

К начальной истории ровесников Войны

Это — отклик на опубликованные в "Телескопе" Б. Докторовым жизнеописания представителей 3-го поколения советских социологов, а также — на недавнее замечание О. Божкова о недостаточном внимании в социологии (и истории, добавлю) к детству как важнейшей стадии формирования взрослого мира¹. В одной статье не вскрыть весь исторический пласт коллективной судьбы людей, рождённых в середине 1930-х — середине 1940-х годов. Ограничиваюсь изложением условий и факторов дошкольного развития детей —

ровесников Войны, — в основном на материалах Ленинграда и РСФСР.

Ключевые слова: Великая Отечественная война советского народа; ровесники Войны /РВ/; дошкольное детство; детские дошкольные учреждения /ДДУ/; "домашние" дети; демография, антропология и начальная история РВ.

Чеслав Сымонович
независимый исследователь

Если ровесник Войны (РВ) родился условно в середине 1943 г., то первый важнейший этап — младенчества — миновал он в середине 1944-го. Младшим дошкольником был до середины 1946-го. Следующий важный рубеж — окончание старшего дошкольного возраста — был достигнут в 1950-м году.

Жизнь каждого человека, в том числе и подраставших РВ, определялась и их состоянием, и ближайшим окружением, и обстановкой в обществе, в мире.

Проблемы физического состояния детей — ровесников Войны

Уже в исследованиях 1947-1948 гг. медики писали о разрушительных изменениях в организме детей. Хуже всего было состояние рождённых в 1941-1942 гг. Так, в сёлах Тамбовской области удельный вес 6-12-месячных детей, отставших в росте, составлял к концу войны 21%, в весе — 33%. В Воронеже нормального роста достигла лишь треть детей раннего возраста. Алиментарную дистрофию перенесли там же 16% дошкольников. В Свердловске рахитом были поражены 51,4% ясельных детей, в Архангельске — 64%. Высокую смертность давал во время Войны тиф сыпной. В первую половину Войны летальность по скарлатине достигала 63,5%, по коклюшу 96,2%, по дифтериту — 13%. Обобщая, медики указывали на следующие изменения детского организма после заболеваний военного времени:

1) морфологические изменения тканей и органов после дистрофии, в частности — отеки, эндокринопатия;

2) нарушение ряда функций органов и систем, — сердечно-сосудистой, пищеварительной, и конечно — нервной системы;

3) гипо- и авитаминозы с поражением волос, ногтей, пигментацией кожи, диатезами;

4) падение иммунитета, особенно у детей раннего возраста².

Но крепка человеческая природа, и способности реабилитации — огромны. Так, родившиеся в 1945 г. и уже работавшие в 1960-м девушки имели лучшее физическое развитие, чем родившиеся в 1905-м — по достижении 18-ти лет, т.е. в 1923 г.³ Возможно, потому, что первые голодали в дошкольном возрасте, а вторые — в 13-15 лет, в Гражданскую войну.

К демографической ситуации

За время Войны в СССР родилось 16,5 млн. человек. К началу 1946 г. в живых осталось из них 11 млн., т.е. на 1,25 млн. меньше, чем при нормальной довоенной смертности детей⁴. Отрицательно влияли на рождаемость: возросшая занятость

женщин в народном хозяйстве, в том числе на самых тяжелых работах (в шахтах, на лесозаготовках); массовые перемещения населения, в том числе стихийные; материальные трудности, в частности резкое ухудшение жилищных условий. Большинство РВ родилось на советской территории, вне городов. Ведь сельское население составляло большинство, и рождаемость в селе была выше. (С другой стороны, в городах было больше мужчин, т.е. возможных отцов). Это значит, что РВ появлялись на свет, в основном, без врачебной помощи, дома. 1943 год был поворотным, срединным годом войны также в смысле динамики рождаемости, начала восстановления системы родовспоможения, женских и детских консультаций⁵. Большинство РВ родилось в неполных семьях, т.к. через Вооруженные Силы прошло за время войны 32 млн. человек, в том числе 31 млн. мужчин. Разница в численности мужчин и женщин за первые 2 года войны увеличилась с 8 до 14 миллионов⁶. В 20-30-летних возрастных когортах перекосяк был больше. А это как раз когорты многих наших, РВ, родителей!

...Людские потери первых шести месяцев войны были столь заметны, что в январе 1942 года Правительство СССР постановило расширить сеть учреждений для сирот и безнадзорных детей. Но в аналогичном документе СНК РСФСР, принятом в конце 1942 г., отмечено: *союзное постановление не выполняется, поэтому необходимо осуществить ряд "аппаратных" мер, а также: увеличить контингент воспитанников детских домов (ДД), в том числе — со спецрежимом, вернуть детей родителям, кроме мобилизованных, (осуждённых) и "впавших в нужду" (!), развернуть столовые на 200 тыс. человек, наладить выпуск промтоваров детского ассортимента*⁷... Все отмеченные и во много раз большие — неназванные здесь нужды, нехватки ложились на плечи прежде всего матерей РВ, воспитательниц в детских учреждениях.

О ежедневном подвиге женщин-матерей Великую Отечественную сказано ещё недостаточно. Судьбы их складывались по-разному.

В прифронтовой полосе оказалась с детьми Евгения Григорьевна Киселёва, жена офицера, мать двоих сыновей — 1935 и 1941 (22 июня) гг. рождения... Женщина она была простая, малообразованная, но живая. С сыновьями пряталась то в окопах, то в блиндаже, то в подвалах все 45 суток, пока хутор четырёхжды переходил из рук в руки... "Ребенок чуть не сгнил в пеленках; ... голодные, холодные"⁸.

В блокаде. Уникальным перекрестком ситуаций и проблем

¹ Божков О. Заметки о детстве и социологии детства // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, 2012, № 4, с. 22-23.

² См.: Санитарные последствия войны и мероприятия по их ликвидации. Труды 1-й конференции. М.: 1947, с. 131-134, 139; Медико-санитарные последствия войны и мероприятия по их ликвидации. Труды 2-й конференции. Т.1. М.: АМН СССР, 1948, с. 135-144, 151.

³ Смуглевич Б.Я. Динамика показателей здоровья и состояние здравоохранения. В кн. Социальные исследования. Вып. 4. М., 1970, с. 46-47.

⁴ Население Советского Союза: 1922-1991. М., 1993, с. 74.

⁵ Загвоздкин Г.Т. Цена Победы. Киров, 1990, с. 227.

⁶ Гельфанд В.С. Население СССР за 50 лет (1941-1990). Стат. справочник. Пермь, 1992, с. 192.

⁷ Учебно-воспитательная работа в детских домах /УВР ДД/, 1943, № 1-2, с. 76.

⁸ См. Киселёва Е. Кишмарева, Киселева, Тюричева // Новый мир, 1991, № 2, с. 9-27.

истории СССР периода Войны видится Ленинград и ближайшие пригороды. К началу Войны в Ленинграде было около 850 тыс. детей в возрасте до 16-ти с половиной лет, в том числе в 658-ми детсадах — около 47 тыс. или примерно 1/10 от общей численности дошкольников. Последняя величина колебалась в годы блокады от 233 тыс. до 307 тыс.⁹

Из множества трагических свидетельств беру несколько по моему, Колпинскому, району:

29 августа 1941 г. в Колпино разорвался первый снаряд... От первого обстрела пострадало около 50 человек. У ребенка, родившегося у женщины, раненой в живот, под лопаткой сидел осколок. Вместе со взрослыми дети прятались в окопах, щелях и бомбоубежищах, оставались в чем были после потери родного дома. Мечтали, как окончится война, и им купят хлеба. Сидели у буржуйки, худые, желтые, с потухшими глазами, и бросали на нее вшей...¹⁰

Вспоминает почти ровесник Войны Н. П. Вальтов (1940 г.):

— Беда пришла в декабре 1941 года — у нас украли козу... Помню, мы готовились к ужину, а крысы бегали по полу, и одна даже прыгнула на стол... Мама отгоняла посторонних людей от нашего дома милицейским свистком вечером и ночью /дом был в пригороде/. Помню, как саперы откопали нас, когда засыпало от разрыва бомбы. Американские консервы в больших красивых банках..., огород..., детский сад в 44 году..., победный салют¹¹.

У Саши Стрельцова отец погиб, мать сошла с ума. Бабушка отдала его в Суворовское училище. Из документов у него была только похоронка на отца¹².

В больших семьях иногда приходилось решать, кого из детей спасать.

На советской неоккупированной территории многое зависело от того, оставались ли женщины-матери РВ дома или стали эвакуированными ("кувыренными"). Несмотря на огромную работу официальных органов и общественности, эвакуация означала катастрофическую ломку жизненного уклада десятков миллионов людей, в том числе — в принимавших регионах. Не от избытков принимал Ташкент и весь Узбекистан в первые годы Войны от 150 до 500 детей-сирот в сутки, а всего за время Войны — более ста тысяч детей. Малыши из оккупированной немцами Литвы стали навсегда родными принявшим их жителям удмуртского села Дебесы¹³. Ни принимавших, ни принятых не надо было агитировать за национальную "толерантность"...

Очень голодно и темно было в деревне, вспоминал А.Д. Сахаров. Дети, женщины, старики образовывали что-то вроде большой семьи. Жизнь впроголодь, копилку зажигали только на время ужина. О деревенских женщинах, мобилизованных в промышленность: у большинства в деревне оставались дети. Чтобы вернуться к ним, был один способ — забеременеть¹⁴. Но обстановка и социальное законодательство не благоприятствовали заведению детей, особенно до лета 1944 года.

В эвакуации жизнь маленьких ленинградцев вне ДДУ складывалась по-разному. Хорошо, если мать была женой командира и что-то получала по аттестату, или почему-либо получила в деревне не последнюю должность, например — приемщицы молока от населения (так повезло маме моей первой жены). Тогда дети не так голодали хотя бы, как дети рядовых колхозников. Но некоторые эвакуированные попали из блокадного голода в жестокий, долгий деревенский.

Были "женские" специальности, предполагавшие мобилизацию в армию. В жизни и в литературе встречались признания женщин-медиков тех лет: нужно было родить, чтобы не взяли на фронт.

В оккупации, на чужбине. Мальчики и девочки среднего дошкольного возраста запомнили, прежде всего, как их и их близких старались убить, убивали, как они убежали, их уносили, прятали от "врачей", выкачивавших в лагере детскую кровь. Но скольких не удалось сберечь! У Валентина Вырко в 3 года было 9 ран. Потом в 1-й класс мать носила его на руках. 4-летняя Валя Никитенко бегала хоронить соседских мальчишек, болевших дифтеритом; ей "в деревне не с кем стало играть".

Какая-то часть детей попала в оккупацию в составе детских учреждений.

— При немцах воспитатели ругали нас, если плохо застелены кровати; "дяди в черном" любили порядок, — вспоминает Аня Гуревич. Потом мама ее нашла, но "улыбаться я стала только в 15-16 лет. При слове "немец" впадала в истерику. В 18 лет, с первой полочки купила мячик — так о нем мечтала все детство"¹⁵.

Дети-пленники фашистских концлагерей возвращались на Родину с матерями или в общем потоке... Здесь их ждали новые, подчас не менее горькие испытания.

Лиза Максименко родилась в 1942 г. Родителей и обстоятельства, при которых попала в лагерь в Германии, не помнит. По-русски не понимала и не поняла окрик советского охранника, когда их в 1946 году везли на родину, а она отошла от вагона на остановке оправиться. Он выстрелил, ранил в ногу. 14 лет в Переславльском детдоме, сначала не зная языка, избиваемая как немка, фашистка. Спала чутко, чтобы не пропустить момент, когда соберутся делать "темную"... Голод, отсутствие игрушек. Сказки Андерсена! Далее — общежитие ленинградского педучилища. Клеймо бывшей пленной. Неврозы. Психиатрия. Завод. Комната в коммуналке. Лет в 20, после фильма "Они шли на Восток", начала зарисовывать вспоминавшиеся образы войны. Стала писать хорошие стихи. Не сломалась...¹⁶

Конечно мы, родившиеся в 1945-м, не помним, как пришла победа. Но 3-4-летние что-то запомнили:

Арсений Гутин (1941 г.): По селу ходили дети и кричали "Победа!" В землянке плакала мать. Шёл дождь, и я мерял лужи — глубокая ли ямка, а то папка будет идти к нам и утопится. Я долго ждал папку.

Аня Корзун. (1943 г.): У нас в детском саду целовали радиорепродуктор, говоривший о Победе. Вечером я боялась салюта. И отца боялась сначала...¹⁷

Читая сегодня возрастных психологов — о стадиях становления сознания детей, о возрастных кризисах в нормальных условиях, диву даёшься, как выдержала психика подавляющего большинства детей-РВ нечеловеческие подчас испытания. Очевидно запас прочности был заложен в человеческую природу изначально многократный.

На пути к возрастному кризису 3-х лет (Условный РВ в середине 1944 — середине 1946 гг.)

Итак, наш условный РВ, родился в середине 1943-го года, в деревне, на неоккупированной советской земле, у колхозницы или эвакуированной женщины от отца, позже призванного или приезжавшего на побывку (что маловероятно), а может быть — от "проезжего молодца". Вернее всего, наш герой в се-

⁹ Газиева Л.Л. Борьба за спасение детей в блокадном Ленинграде в 1941 — 43 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПбГУ, 2011, с. 15-20.

¹⁰ Помним. Колпинская книга Памяти. СПб-Колпино, 1995, с. 60,71.

¹¹ Помним ..., с. 125.

¹² Алексиевич С. У войны не женское лицо. Последние свидетели. М., 1988, с. 283.

¹³ См. Дети военной поры. 2-е изд. М.: Политиздат, 1988, с. 19, 29, 32.

¹⁴ Сахаров А.Д. Воспоминания // Знамя, 1990, № 10, с. 39-40.

¹⁵ Алексиевич С. Указ. соч., с. 231, 294, 356 и др.

¹⁶ Элиза из войны. В кн. Убитое детство. Сб. воспоминаний бывших детей-узников фашистских концлагерей. Вып. 1. СПб: ИНКО, 1993.

¹⁷ Алексиевич С. Указ. соч., с. 360-362.

мье не единственный ребенок. Смотрят за ним, в его 1-3 года, старший брат (сестра), бабушка, пока мать убивается на работе за пустые трудовни. Здоровье ребёнка набирает весной-летом, на зелени и на воздухе. Зимой сидит в избе...

Видит печь, лавки, стол, бабушку(?), ребенка(детей)-дошкольника из эвакуированной семьи. Наверно, хнычет от голода, холода и нечистоты. Носят ли его в ясли? Маловероятно; в годы Войны число мест в яслях сократилось на селе с 300 тыс. до 230 тыс. (в городах — с 554 до 475 тыс.). Но в областях, куда были вывезены многие предприятия, число мест в детских учреждениях росло, чтобы высвободить женщин для работы. В деревнях летом развешивали сезонные дошкольные учреждения на несколько миллионов мест¹⁸.

Так что летом наш герой, возможно, в колхозных яслях, но — на своих харчах. Он не понимает еще, что ряд льгот, благ ему недоступен как сельскому жителю, а тем более — **колхозному** ребенку. До детской молочной кухни, до врача педиатра, до детской консультации далеко как до ... райцентра. А главное, большинство сельских жителей не находилось на государственном снабжении продовольствием. Наоборот.

В деревню военных лет игрушки могли попасть только случайно. Но роль их могли играть любые неопасные мелкие предметы, чье назначение он переосмысливал. Образуется триада "ребенок-предмет-взрослый". Ребенок пытается играть роль взрослого, неудачно, и тем лучше понимает свои особенности.

За два-три года ребенок овладевает и языком, сначала пассивно. В результате развития восприятия, начала мышления словами, понимания своего отличия от другого, прежде всего — от взрослого, возникает новое "я" "Я сам" — к трём годам (Д. Эльконин)¹⁹.

Главное было и есть не многообразие педагогических развивающих приемов, а то, чтобы рядом с ребенком постоянно был старший, любовно вводящий его в мир, — делом и словом. Иначе задержки, отклонения в развитии были неизбежны.

Возможно, это в меньшей степени относилось к детям, находившимся в детских дошкольных учреждениях.

РВ в детских учреждениях военных лет.

Обратимся к акту ревизии расходов на содержание ДДУ, эвакуированных из Ленинграда в Кировскую обл. за время дороги и за первые недели на новом месте.

Из него видно, что *в дороге дети умирали от болезней при отсутствии лекарств (48 человек только по одному из 4-х проверенных районов принявшей детей Кировской области).*

Многие отведённые помещения были едва приспособлены для проживания детей (Свечинский район: света нет, дров нет, уборные есть не везде). Не было или не хватало постельных принадлежностей, посуды.

К сентябрю в Кировской области приняли 6 Домов малюток и 11 яслей (соответственно 462 и 1320 детей), в т.ч. 926 — ясельного возраста. Мануфактура не использовалась из-за отсутствия ниток. Одежда из дома была послана, но не дошла.

Меню 4 сентября 1941 г.: завтрак — кофе с молоком и булкой (Расход ≠ 14,5 кг на 84 чел., т.е. — по 173 г); обед: суп мясной (5 кг) с пшеном, пшенная каша и хлеб (по 200 г примерно); ужин: тушеная морковь, а малышам — молоко с булкой²⁰.

Но вот организационный этап миновал, и в отчете о дошкольной работе в РСФСР от 21 декабря 1942 г. читаем:

План развертывания детских учреждений перевыполнен по 37 территориям РСФСР. На первом месте — Ленинград. (Вероятно — в процентах к плану, а не к действительной потребности. Ведь из примерно 270 тыс. дошкольников Ленинграда ДДУ могли принять в среднем только 15,5 %²¹). Из-за переуплотнения приходилось отчислять из ДДУ детей, у которых был взрослый неработающий дома, или переводить их на детские площадки при школах. В освобожденных районах сеть ДДУ почти восстановлена. Удалось не допустить эпидемий. Питание, в основном, удовлетворительное, но в сельской местности — хуже. Из 33,6 тыс. работников половина имела среднее и выше образование. Воспитательная работа ведется индивидуально, с учетом особенностей семьи. Прогулки и работа на огороде знакомят детей с природой. Их стараются воспитать мужественными, но чуткими, самостоятельными, организованными патриотами. Средство эстетического воспитания — музыкальная классика²². (По радио?)

С 1943 г. родившиеся в 1941-м году переходили в детские сады. А там...

...На начало 1943-го года в Ленинграде было, согласно отчету, 269 детсадов (д/с) на 23,3 тыс. мест и в них 20,3 тыс. детей. В том числе ведомства народного образования, соответственно, 81 д/с, 6,1 тыс. мест и 5 тыс. детей. Их обслуживали, воспитывали около 4 тыс. работников. Уровень образования воспитателей был выше, чем по России. На одного ребенка приходилось больше 2 кв. м помещений для занятий. На лето за город выезжали 49 детских садов с 4,1 тыс. детей. (Видимо — на окраины города). Ко времени снятия блокады количество детсадов увеличилось до 307, а в конце 1944 г. — до 417. Детей в них, соответственно, — до 23,7 тыс. и 36,3 тыс. Среди воспитанников детсадов в январе 1944 г. было: в интернатных группах 7,3 тыс., детей фронтовиков — 18,9 тыс.²³.

В целом по стране за 1940-1945 гг. количество ДДУ увеличилось с 46 тыс. до более чем 48 тыс., контингент — с 1,95 млн. до 2,1 млн. детей²⁴. Существенную роль тут играли предприятия, заинтересованные в труде граждан, имеющих детей. Состав групп увеличился с 25 до 35-40 чел. Увеличивалась продолжительность пребывания детей вплоть до круглосуточного²⁵.

Голод духовный, общекультурный, наверно, лучше утолялся в ДДУ, чем в семьях, где взрослые работали по-фронтовому. Журнал "Дошкольное образование" советовал *воспитывать смелость, стойкость, инициативу... Волю — как у Бори, который полет грядку, хотя пришли гости; — как у той девочки, что не стала есть конфету, сберегая ее.* Ученый педагог рекомендовал *использовать игры с большей и меньшей степенью риска*²⁶.

...Война войной, а наблюдения за явлениями природы оставались важным средством воспитания. Воспитатель ставил самые простые вопросы, уча наблюдательности ("С какого дерева упал лист?"). Детей учили рассказывать по картинкам ("Семья командира"...), правильно понимать образные выражения ("Граница — "на замке"²⁷). "Наблюдения из окна" — название одной заметки из Ярославской области. Эвакуированные из Ленинграда дети учились видеть и понимать тихую сельскую жизнь, глядя на нее из окна детсада, расположенного на главной улице райцентра: *проехала бочка-водовозка; не все козы в*

¹⁸ Большая Советская энциклопедия. Том "СССР". М.: 1947, стб 1173; Иванов Н.Г. и др. Советское здравоохранение и военная медицина в Великой Отечественной войне. М., 1985, с. 198.

¹⁹ См. Обухова Л.Ф. Детская (возрастная) психология. М., 1996, с. 218-219, 225-227.
²⁰ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга / ЦГА СПб, далее ссылки на этот архив/, фонд 5039, опись 7, единица хранения 6, листы: 1, 7, 10, 25.

²¹ Газиева Л.Л. Указ. соч., с. 19-20.
²² Волкова Е.И. Итоги дошкольной работы за период Отечественной войны и очередные задачи // Дошкольное воспитание / ДВ/, 1943, № 3-4, с. 6-11.

²³ Архив, ф. 5039, оп. 3, ед. хр.: 571, л. 1 об., 657, л. 1, 14.
²⁴ История педагогики. М.: 1981, с. 327.
²⁵ Левитов Н.Д. Психологические основы воспитания характера в дошкольном возрасте // ДВ, 1943, № 10, с. 2-6.
²⁶ ДВ, 1943, № 5, с. 12.
²⁷ Там же, с. 31-32.

*стаде идут одинаково; что можно увидеть в зимних узорах на окне; из пекарни везут хлеб, а для больных — булки; лошади идут гулять; курочки ищут зернышки, а петушок смотрит за порядком...*²⁸

Помощником-воспитателем была, как всегда, детская литература.

Агния Барто "Игра":

Окопались мы в снегу, // Мы стреляем по врагу, // Я никак от пулемета // Оторваться не могу...

З. Александрова "В госпитале":

*"Там наши картинки у коек висят, // На столиках наши альбомы, // И старшая группа — 15 ребят — // Со всеми бойцами знакомы..."*²⁹

Читали и народные сказки, воспитывающие и — отвлекающие от переживаний. Приводился в журнале и такой современный сюжет сказки: *Три колхозника отправились правду искать. По дороге видели новь. И нашли правду — в Кремле*³⁰...

Загадывал загадку дедушка Корней (Чуковский):

"Железная рыба плывет под водой, // Врагам угрожая огнем и бедой.

*Железная рыба ныряет до дна. // Родные моря охраняет она!"*³¹

Сложнее было с письмами родителей. Не все из них радовали детей. В интернатных группах воспитатель предварительно просматривал эти письма, выпуская при чтении ребенку то, что могло тяжело подействовать. Дети слушали письма с радостью и тревогой, целовали, прятали их, диктовали ответы (некоторые — не зная, живы ли родные); воспитатель добавлял то, что не мог сказать ребенок. Прилагали рисунки³². Теперь эти источники потрясают ...

Чуть старше, чем РВ, были дети, о которых писала педагог Н.А. Менчинская, обобщившая материал дневников воспитателей детских садов. Она пишет, в частности, о военной тематике в рисунках детей с 4-летнего возраста. Тематами игр становятся: бомбежка, "летчики", госпиталь. Дети обсуждают, как надо справиться с Гитлером. Вынимают из копилки деньги для Фонда обороны. Отвлекаясь от горечи разлуки, от страха за близких, играют в прежнюю хорошую жизнь³³.

Существенное внимание государство и предприятия уделяли летнему отдыху детей. В 1944 г. детей ясельных было вывезено на летний отдых 128,5 тыс. (380 % плана), детских садовцев — 110 тыс. Выезжало 77 Домов младенцев (155 % плана). Около 2/3 детских учреждений выезжало в здоровые местности, но 40 % располагались вдали от зелени, 47 % — вдали от воды³⁴. И всё же надо было вывозить ребят. Им открывался другой мир, негородской. А для запертых в четырёх городских стенах воспитанников Домов ребёнка и детдомов выезд, посильная работа в деревне становилась и подготовкой к будущей самостоятельной жизни.

Из отчета Лен ГорОНО об устройстве выявленных безнадзорных детей:

За 9 месяцев 1944 г.: поступило детей — 3147, в том числе 2120 детей — воинов и погибших от рук немецких оккупантов. Устроены ВСЕ /выделено мной — Ч.С./ дети, в том числе: в детские учреждения — 964, на патронаж — 271, усыновлены — 338, передано под опеку — 1288, на работу в сельхозпредприятия — 206, поступило в заведения Профтехобразования — 80.

РВ прямо названы еще в одном документе — отчете о движении детей через ДД Ленинграда: Из 3,9 тысячи детей, принятых за 1945 г., малышей из Домов младенца было всего 70 человек. Сколько-то уроженцев Войны было среди 1220 детей, поступивших из приемников-распределителей НКВД, и навер-

но, больше всего — среди 1895 детей, сданных в ДД Ленинграда населением³⁵.

Главное различие между тогдашними детьми старшей группы детского сада и РВ в том, что для первых, 1936-1938 гг. рождения, Война была и осталась временем бед, осознанных в какой-то степени. Ровесники же Войны, во всяком случае — 1943-45 гг. рождения, восприняли ее и сохранили, очевидно, на подсознательном уровне. В сознательный возраст условный РВ (1943 г.р.) перешел в первые послевоенные годы. **Они, с их трудностями, сыграли для РВ такую же роль, какую для предшественников их играла Война.**

Условный РВ в возрасте от трёх до семи лет (1946-1950)

Домашние занятия, впечатления, чувства. Занятость женщин в общественном секторе производства несколько уменьшилась после Войны. И видимо, меньшинство РВ подвергалось программированному воздействию в ДДУ. Дома, когда взрослые были заняты на работе или хозяйством, огромную роль приобретало то, что можно было смотреть и слушать. Не в каждом доме было много книг, альбомов, тем более — детских. Пересматривание одного и того же в сотый, в тысячный раз впечатляло образы зрительные надолго, если не на всю жизнь, учило — невольно — в привычном материале находить все новые черточки. **(Нет ли здесь зацепки для разматывания клубка факторов, приведших некоторых из РВ в молодости в науку, в том числе — в социологию?)** Или последующая, росшая с каждым годом убежденность в очевидном несовершенстве общества стала решающим доводом в пользу выбора профессии социолога? На второй вопрос попытаемся ответить в следующий раз, рассматривая социализацию ровесников Войны в их школьные 1950-е годы.)

Так было у меня. После блокады детских книг дома почти не было. День за днем, год за годом пересматривались: "Детский мир" — род дореволюционной детской энциклопедии для 2-х классов начальных училищ, подшивка "Солнца России" — иллюстрированного журнала за 1915 г., и один из томов иллюстраций к "Жизни животных" Брема. Современный материал, большей частью непонятный, несло в дом Радио. Оно было всем — газетой, театром, граммофоном, волшебным фонарем с картинками, рождавшимися в головах слушателей...

В дошкольном детстве воздействия на ребенка в наибольшей степени переплетены. Так, рассказ бабушки об её детстве и несет пищу для ума, и может породить разные чувства (сострадания, гордости, — в зависимости от содержания рассказа, а может быть — и от его формы). Чем меньше ребенок, тем важнее для него сфера чувств. В младшем детского садовского возрасте наблюдается быстрая смена, небольшая глубина чувств. Так что Война могла оставить меньший эмоциональный след в душе условного РВ, чем ребенка предшествующей возрастной когорты. Очевидно, что родившийся в первой половине 1930-х годов до сих пор помнит, что было в годы Войны с ним, его семьей и обозримым миром. А рождённые в начале Второй мировой, но до начала Великой Отечественной, — что они помнят? Перечислю запомнившееся человеку, рождённому в 1940 г. будущему профессиональному литератору:

- *лицо, военная форма, колючесть Отца;*
- *вагон, верхняя полка по пути в эвакуацию;*
- *санки, лопатка, страшный паровоз, чуть не забодал козёл;*
- *запах маминой пудры и папирос;*
- *масла комочек;*

²⁸ Там же, с. 31-32.

²⁹ ДВ, № 5, с. 1; № 10, с. 7.

³⁰ ДВ, № 5, с. 2-4.

³¹ ДВ, № 2, с. 40.

³² ДВ, № 7, с. 8-10; Дети военной поры, с. 19.

³³ Менчинская Н.А. Дети-дошкольники и отечественная война // ДВ, 1943, № 2, с. 14-19.

³⁴ Родионов Е.А. Об организации летних детских оздоровительных учреждений // Советское здравоохранение /СЗ/, 1945, № 4-5, с. 36-38.

³⁵ Архив, ф. 5039, оп. 3: ед.хр. 666, л. 2-об., ед. хр. 760, л. 1.

— *принесли петуха за связанные ноги, бросили в сених...*³⁶
Иной набор моментов раннего детства будущего культуролога, историка, также 1940 гр.:

— *зима 1942 г. В комнате барака для высланных ... на столе лежал дед, бабушка плакала, а я взяла газету и понесла ему от двери со словами: "На, дед, читай". И не могла понять, почему его положили в деревянный ящик и куда-то унесли...*

— *бараки стояли недалеко от железной дороги. Я кричала поездам вслед...: "Паровоз, паровоз, красные колёса!// Паровоз, паровоз, куда пату ты увёз?"*

— *территория возле бараков была не обихожена, и однажды я свалилась в яму. Выбраться самостоятельно не могла, и потому стала играть там... И только поздним вечером я громко заплакала, меня услышали и вытащили, отвели домой...*

— */В 1943 г./ у нас в комнате появилась коза /с тремя козлятами/, молоком которой лечили меня от рахита и других болезней...*³⁷

Как видим, козы и паровозы присутствуют в двух приведённых выдержках из воспоминаний. Помнится и мне, что паровоз — огромный, пылящий, окутывающий облаками пара, ревущий — пугал и меня на Московском вокзале при встречах родственников в столь же нежном возрасте...

В старшие дошкольные годы рамки видения мира, себя в нем, так стремительно разбегаются, как ни в каком другом, кроме переходного возраста. Так что, в кризисе **превращения в личность** среднестатистический РВ и оказался в 1950 г.

Уроженка 1945 г. такой запомнила впечатления 1951-52 гг. о родном городе её мамы, одноэтажном деревянном Череповце, куда они приехали на лето:

...*Лето было жаркое, и окна были всегда открыты. Прямо перед окнами росли кусты жасмина. Там я впервые увидела жасмин и влюбилась в кистенно — цветущий кустарник и аромат, исходящий от цветов. ... С тех пор это мой самый любимый кустарник...*

Я плохо помню свои походы к родственникам. Зато хорошо помню, как баба Паша взяла меня с собой в библиотеку, где я впервые попала в царство книг и навсегда полюбила удивительную атмосферу библиотек и запах, и то, что там так много книг. А ведь в те годы 51-52 годы, книг у людей было еще мало. ... До сих пор, когда я бываю в библиотеках, у меня душа просто благоговеет перед этим книжным миром. Именно тетя Паша привила мне любовь к чтению. Она писала нам с сестрой письма, своим мелким бисерным почерком, а в письмах присылала нам переписанные в библиотеке сказки, рассказы о писателях или советовала прочитать ту или иную книгу. Во многом она сформировала мои литературные пристрастия.

...*Играла с ребятами из соседних домов, бегала с дворнягой-Дружком по улице... Однажды увидела на улице собачью свадьбу. Это для меня была такая диковина, что я, забыв, что мне не разрешали уходить далеко от дома, бегала часа два за целой сворой собак. Как не боялась — не пойму. ... Мама искала меня везде. Как я домой вернулась — не помню. Мама меня выдрала как следует, потом поставила передо мной сковородку с жареной картошкой и сказал: "Ешь!". Я зареванная, слопала целую сковородку этой картошки, не смея тикнуть, хотя уже давилась...*

А однажды меня учили доить козу, и это тоже было впервые. И так я была счастлива, когда у меня стало получаться. Потом баба Дуня ... несколько раз позволяла мне подоить

козу, за что я получала стакан надоенного мной молока. И с тех пор я его люблю...

...*Закрываю глаза и будто вижу наяву — льняное поле, голубое под голубым небом. Оглянулась назад, там широкая синяя река Шексна. И пароходик белый слегка покачивается у пристани на волнах.*³⁸

(На этот бесхитрый поэтический рассказ после 200 просмотров пришло 125 откликов и оценок. Вот бы и нам, обществоведам, такой отдачи!)

Что из этого следует? На изучаемую когорту в целом в эти первые послевоенные годы **непосредственное** воздействие оказывала не международная обстановка, не особенности советского политического строя, не темпы восстановления народного хозяйства, не коммунистическая концепция развития советской культуры, ... и т.д., а то общее, что было в составе большинства семей, в распределении обязанностей в них, в условиях и уровне жизни, в представлениях родителей и лиц, их заменявших, о приемах воспитания детей, в отношении взрослых к детям. Всё остальное действовало опосредованно.

Война сделала необходимой **партийно-государственную демографическую политику прямого действия**. В этом ряду продолжало действовать запрещение абортов, налог на бездетных и малосемейных граждан. Чтобы пополнить убыль населения, надо было быстрее восстанавливать здравоохранение, в частности — сеть родовспоможения и педиатрии. В 1944 г. в селах прибавилось 9,1 тыс. фельдшерско-акушерских (ФАП) и акушерских пунктов, более 400 женских и детских консультаций, 15 тыс. мест в яслях. Какие-то медицинские пункты, учреждения были в 78 % сельсоветов³⁹. О трагизме демографического положения в СССР говорит, в частности, увеличение количества сирот и детей, коих отдавали в детские учреждения матери-одиночки, вплоть до 1947-1948 гг.⁴⁰ Государство стремилось разместить часть этого "контингента" в семьях, и это удавалось примерно в половине случаев. Речь шла не только о детях Войны, но и о "детях репрессий" 1940-х — начала 1950-х гг.

Как уже отмечалось, домашние дети росли, большей частью, в неполных семьях. В 1946 г. на 38 миллионов женщин в возрасте 20-44 лет приходилось 24 млн. мужчин (соотношение 1 : 1,6). В деревне — 1:2,7. За годы Войны детей и подростков стало меньше на 14 млн., т.е. 53 миллиона!⁴¹ Рань, нанесенные семьям, затягивались лишь через годы и десятилетия, в частности, с появлением и повзрослением новых поколений.

Официальное описание Советского Союза 1946 года провозглашало заботу о матери и ребенке: многомиллиардный фонд пособий многодетным и одиноким матерям, пенсии матерям, имеющим больше 2-х детей, пособие по уходу за больным ребенком в возрасте до 2-х лет, "декретный" оплачиваемый отпуск в 77 дней... Колхозам государство "рекомендовало" отчислять в фонды социального обеспечения до 2% валовой продукции, но — после выполнения всех обязательств перед государством. Не всегда было легко воспользоваться названными благами, особенно в связи с частыми переездами людей в конце и после Войны. Случалось, репатриированных не пускали в родные места, детей не регистрировали ("не наши!"), пособие задерживали⁴².

Занятость в общественном производстве женщин, стариков оставалась довольно высокой, и **детей в значительной мере воспитывал двор, улица**. Законы их всегда были жестоки, а тем более — после войны, ожесточившей нравы. Индивидуальность подавлялась, и в то же время подростки и парни — лидеры становились своеобразными индивидуальностями. Мно-

³⁶ Генкин В. Санки, козёл, паровоз. М.: Текст, 2011, с. 6-7.

³⁷ Ершова Э.Б. Сквозь череду времён (Российская семья в XVIII - XXI вв.) М.: ГУУ, 2011, с. 94-96.

³⁸ Колесник О. Вспоминая детские впечатления // <http://maxpark.com/user/1616988663>

³⁹ Фельдшерские и акушерские пункты в селе // СЗ, 1945, № 9, с. 22-23; Никитский В.С. План 1945 г. - новая ступень в развитии советского здравоохранения // СЗ, 1945, № 3, с. 4.

⁴⁰ Зезина М.Р. Социальная защита детей-сирот в послевоенные годы // Вопросы истории, 1999, № 1, с. 128-130.

⁴¹ Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность: 1946-1953. М.: 1999, с. 25-26.

⁴² Зубкова Е.Ю. Указ. соч., с. 38-40.

гих ребят постарше, особенно безнадзорных, воспитывал рынок, "барахолка", "толкучка". Детская торговлишка, попрошайничество бывало горькой необходимостью. Жилось трудно. Раннюю взрослость воспитывала страшная скученность, в полном смысле слова коммунальный быт. Многие семьи ютились в приспособленных для жилья подвалах, землянках — вплоть до начала массового крупнопанельного домостроения в городах в середине 1950-х гг., когда РВ становились подростками. В сельской местности выделялись ссуды, льготные фонды стройматериалов для восстановления разрушенного войной жилья.

Из-за переуплотнённости быта опять-таки волей-неволей рано обзревалась телесность — и своя, и отца, и матери, и бабушки, а на даче — и девчонок... Оpozнание своего тела — один из главных процессов психических. Советским историкам и детским писателям было не до него. Педагогическая антропология теперь нам помогает, используя личные источники... Вспоминает И.Донская, 1946 г.р.: *Завидовать /мальчишкам/ бесполезно, это я поняла лет в 5. Пробовала писать как мальчишки, не приседая, но не выходило. Поняла: ТАК УСТРОЕНО⁴³. / КАК именно устроено, — это узнавали у детей иного пола, помнитса, в старшем дошкольном или младшем школьном возрасте. Но не в школе, конечно, а дома, во дворе, на даче. Это могла быть честная игра в докторов: показывали друг другу то, что у нас под трусиками и мазали эти места при помощи травинки ржавой водой из бочки, где жили жучочки и головастики... /*

Эвакуированные рвались домой, в частности, из-за тяжёлых условий быта в чужих местах, но довоенная жилплощадь бывала занята переселенными из разбомбленных домов, добиться её возвращения чаще всего не удавалось. Коммуналка начиналась за дверями "своей" комнаты: *"Коридор ..., в конце его — запах уборной, переходящий в кухонный — керосиновый; веревки с бельем в несколько рядов /ибо с чердаков белье крали и продавали на барахолке/; спящие во мраке жилички... Жильцы пережгли ЛИМИТ! У нас отобрали электрический свет ... НО: Город звал прочь от этой скуки. Послевоенный, тихий, еще безлюдный ... Все напоминало о еще не изжитом страдании: бледные лица жителей, ...пугающие надписи на стенах ..., следы блокадных огородов... Нас отпускали одних — улицы были безопасны. ...К несравненной красоте этой /Ленинграда/ привыкать ...было не очень просто, еще труднее было возвращаться в разоренный быт ..."⁴⁴*

Так открывался послевоенный быт и облик Города детям, не помнившим, каким он был. А вокруг были взрослые, по-своему воспринимавшие новую мирную жизнь. Вот как это запомнил и описал беллетрист-РВ через 40 с лишним лет:

"...В радостях /возвращения домой/ минул остаток 45-го, в 46-м радость продолжалась, но уже начали замечать голод, в 47-м голод усилился... Чем больше уходило времени, тем больше мечтали о прошлом предвоенном... В 48-м голод несколько минул, но одновременно и минули и последние послевоенные радости и установилось то старческое в чувствах и облике ... Спокойней и скучнее стало жить"⁴⁵.

— "Скучнее?" Днём особенно скучать нам, домашним детям, было некогда. Стояли в далгих очередях вместе со взрослыми. Дома можно было бесконечно, не уставая, смотреть за чудом — обращением бабушки с швейной машинкой, за замешиванием теста, приготовлением мастики для паркета... Пытаюсь — и не могу вспомнить, чем же были заняты мои вечера в 4-5-летнем возрасте, то есть, когда ещё не умел читать. Тихими играми, рассматриванием утомянутых книжек с картинками, слушанием радио, если оно не мешало отцу, бравшему работу на дом, слушание того, как он читает

мне вслух? Ведь мы, РВ, были предпоследним бестелевизионным поколением. Наши дети, конца 1960-х — 1970-х гг. рождения росли уже под ТВ. Не устаю повторять об огромной роли радиотрансляционной сети, — средства мощнейшего. В дошкольные, почти бессознательные, т.е. не запомнившиеся, годы Радио дало мне, во-1-х, слово "оппортунизм", а во-2-х — родную музыкальную культуру, в том числе — советскую песенную. Единственно, когда бабушка выключала — это когда начинались частушечные псевдонародные взвизги... Из иллюстративного материала крепко запомнились журналы "Крокодил", обличавшие большей частью непонятное внутри и вне нашей страны. А из фильмов вспоминается зримо и слышимо, пожалуй, лишь "Тарзан"...

Образы того времени в моём детском сознании почти стёрты. И все же что-то проступает, смутно...

Коммунальная квартира в представительном доходном доме Единоверческой церкви (к тому времени в ней уже Музей Арктики). Квартира небольшая: 1) в нашей 24-метровой комнате бабушка, отец и я; 2) в соседней 17-метровой — соседка с дочкой, школьницей; 3) при кухне — в бывшей каморке прислуги — полусумасшедшая уродливая старуха-карлица с 5-6-ю кошками; временами на нее "находит", и тогда из комнаты лучше не выходить. Квартира небольшая, потому что — делёная. Лучшая, большая часть осталась за стеной. Поэтому вход к нам — с крутой черной лестницы.

В нашей комнате, как и у большинства бабушкиных знакомых, обстановка, которая уже тогда считалась антиквариатом. Бабушкиной пенсии (210 р. в масштабе цен до 1961 г.) и отцовской аспирантской стипендии (790 р.) на жизнь не хватает, поэтому вещи понемногу уходят в коммиссионный, за бесценок по нынешним меркам. Помню, как странно выглядели они, наши, стоящие среди других в магазине... Не помню первую свою кровать. Говорят, отец сколотил ее сам. Значит, либо не было в продаже, либо купить не могли. Помню на фоне света настольной лампы склоненного над письменным столом отца.

Толокно, которое заваривали для меня из пакета; рыбий жир я пил, кажется, покорно. На балкон меня выпускала бабушка лет с 2-х, привязав к ножке огромного обеденного стола (до революции на нем стоял аквариум, когда 2-й бабушкин муж, Н.П. Зеленко, был не лишением-управдомом, а переводным домовладельцем, гласным СПб Городской Думы, благотворителем, членом полутора десятков общественных и Думских комитетов) Лучшие всего запомнились не люди, а вещи, даже детали вещей, рисунки волокон дерева, слои краски, рисунки обоев, неровности штукатурки под краской, узоры ленного потолка. Бесполезные для историка вещи? Нет! Ведь под двумя слоями рыхлых серо-синих "советских" обоев показывались "прежние" бело-розовые с цветами неопиcуемой красоты.

Первая газовая плита, которую отец принес на спине, запомнилась, т.к. была с торчащими краниками, и об один я разбил голову до крови. М.б., это 1949-й год? Чернозеленоватую медную ванну заменили на чугунную; дореволюционную прогоревшую колонку — на новую, тоже дровяную. Горячей воды, центрального отопления, конечно, не было, до конца 1960-х. Вечерами сживали с бабушкой у большой, в углу, кафельной печи. Дрова экономили. Их надо было покупать на складе, пилить, колоть, поднимать наверх, складывать в дровяную кладовку — бывшую "людскую" уборную при кухне. Для этого нанимали старшего дворника, дядю Сашу.

Магазинных игрушек, наверно, не было почти, или — не сохранились, кроме резинового свистящего петушка и собачки, сшитой из офицерского сукна, плотно набитой опилками, с желтенькими стеклянными пуговками-глазами и красным

⁴³ Природа ребёнка в зеркале автобиографий. Учебн. пособие. М.: 1998, с. 111.

⁴⁴ Казимир Н. Мы долго ждали встречи с домом // На дне (газета СПб Фонда "Ночлежка"), 1999, № 2 /55/, с. 8-9.

⁴⁵ Горенштейн Ф. Псалом. // Октябрь, № 12, с. 82-83

матерчатый язычком. О большом коне из папье-маше, о велосипедике, не говоря уж о педальном авто, мечталось, но без надежды.

На столе не бывало сыра, но сливочное масло помню. Маргарин употребляли только в тесто. Все, что возможно и невозможно, бабушка делала сама: ремонт комнаты, перешивание одежды, перетаскивание узлов с дачными вещами. Так же поступал потом и отец, и я, особенно в 1990-е безденежные годы. Главный урок-правило жизни — покупать только то, без чего никак не обойтись. Еще раз, взглядыываясь в те годы, различаю только одно — ежедневный еженедельный, ежесезонный круг домашних РАБОТ; шитье, приготовление теста, уборка и т.д., выполняемых бабушкой.

В детсад я не ходил. Мы с бабушкой не могли расстаться и на полдня. Попробовал отец отдать меня туда было, да увидев наши слезы, понял, что нельзя. А детсад (Эрмитажный?) был во дворце, наподобие Стrogановского, помню резные двери, страх мой и огромные игрушки за этими дверями...

РВ в послевоенных детских садах и детских домах

Сеть детских дошкольных учреждений /ДДУ/ восстанавливалась довольно быстро, ибо требовала в 1946-47 гг. не столь больших капитальных затрат, а потребность в ней несколько сократилась — из-за уменьшения контингента дошкольников, высвобождения матерей, работавших в Войну только по принуждению, а также по причине приема детей в школы после 1944 г. с 7-ми, а не с 8-ми лет.⁴⁶

Из отчетов по детским садам Ленинграда видно, что в ноябре 1948 г. их было 520 с 35-ю с лишним тысячами детей. Более 80% их были в возрасте от 3-х до 7-ми лет, т. е. ровесниками Войны.⁴⁷

Руководство решало прежде всего хозяйственные вопросы: строительства, ремонта и возвращения детсадам их помещений; снабжения инвентарем и продуктами питания. Например: в 1947 г. в 247-м детском саду ЛенГорОНО было достаточно кроваток, простыней, стульев, тарелок; 1 пододеяльник приходился на полтора ребёнка, 1 чашка — на двоих. По тем д/садам, в коих было 17 тыс. детей, насчитывалось: 529 крупных конструкторов, 659 санок, 4,6 тыс. книжек, 309 фортепьяно⁴⁸. Город просил Министерство просвещения РСФСР помочь в обеспечении ремонта детсадов, в выпуске мебели, целлулоидных кукол, резиновых мячей, лыж, настольных игр⁴⁹.

Упоминается в документах о необходимости улучшать кадровый состав детсадов. Не столько в смысле членства в партии, сколько в плане образования, прежде всего специального. На городской конференции ДДУ отмечалось: сеть недоукомплектована детьми, т.к. плохо работает⁵⁰. Значит, были семьи, обходившиеся без услуг детсадов потому, что не верили, что детям будет там хорошо. По ведомственным детсадам, напротив, ставился вопрос об увеличении продолжительности пребывания в них детей до 21 часа, видимо — ради полторасменной работы матерей⁵¹.

Посмотрим, как шла жизнь детей, судя по актам проверок.

15 февраля 1946 г.; Выборгский р-н: Дети вежливы, общительны со взрослыми. В большинстве д/с — спят после обеда. Питание разнообразное, с горячими завтраками в большинстве д/с. Но мало зеленых и живых уголков, творческих игр. Не чистят зубы и не полощут рот.

Весна 1946 г., Володарский р-н: За нарушения рациона питания сняты с работы завхоз и бухгалтер. В д/с на террито-

рии завода нельзя открывать окна из-за дыма. Дети хорошо владеют речью, имеют правильные представления об окружающем мире. Обеспечено питание на более чем 2 тыс. калорий, дневной сон (бельё — не везде). Но: мало внимания и умения в занятиях с детьми; плохо с одеждой и обувью.

1 марта 1947 г., Выборгский район: Оборудование улучшилось. Дети тихие, даже в играх, культурные. У них нет излишней ласковости, назойливости. Закалённые — на низкую температуру в помещении не реагируют.

Март 1947 г., Васильевский остров: Печи пришли в негодность от точки углем. Не хватает игр, в т.ч. дидактических. Ослабленные дети составляют в среднем 20%. Продукты плохи. Дети не спят (нет белья, тепла, места). Знакомство с окружающим миром ведется формально — лишь наблюдают за транспортом, Невою, зданиями, агитпунктом.

Август 1948 г. Володарский р-н: Работают 4 кружка по истории партии. Дети, закрыв глаза, не могут сосчитать, сколько раз постучал воспитатель. Их неправильно учат лепить (бабушку — как девочку, деда — лысым). В беседе о Дне победы не упомянут тов. Сталин. Нет ножищ. Не пускают мыльные пузыри.⁵²

Министру жаловалась весной 1948 г. воспитатель Е.Ф.Лягускер, уволенная из д/с как не имеющая специального образования и умения работать: Заведующая груба, хлеба детям не добавляют, повара воруют, кровати порваны, у заведующей обедает начальство, бесплатно, с семьями, едят пирожки⁵³. В архиве отложилось целое дело по этой жалобе, но последняя "не подтвердилась", хотя выглядит правдоподобно. Ибо в нашей стране не было, нет и не будет поваров, уходящих домой с пустыми сумками, — разве что святые подвижники в монастырях на такое способны... По своему опыту в пищеблоках знаю, что проверки бесполезны. Специалиста не поймашь.

По документам, в дневной рацион ребенка в детских садах входило (граммов): мяса — 50, масла — 20, 1/4 яйца, сахара — 30, крупы — 50, хлеба — 200, овощей — 400, муки — 10; чая, кофе, киселя — копеек. /Сегодняшние нормы близки к названным/ Дневная норма 1948 г. стоила 6,6 руб. (для интернатских — около 8, для туберкулезных — до 12 руб.). В том году (да и теперь) не каждая семья могла обеспечить ребёнку дома такое питание. Правда, в семье, как правило, не крадут.

Из жалобы, частично подтвердившейся, бывшей, опять-таки, заведующей детсадом в Кронштадте Л.И. Поповой: РОНО принимает на работу малограмотных родственников сотрудников. Ответ на жалобу: семейственность не подтвердилась, непосредственного подчинения родственников друг другу нет. Квалификацию работников будем повышать⁵⁴.

Характерно, что в просмотренных архивных делах не попадают жалобы родителей. Видимо, большинство держалось за детсады. Жалоб детей нет, они писать ещё не умели...

Огромным преимуществом детсадовских детей был летний выезд на дачи. Летом 1948 г. вывезено было 33,3 тыс. детей. В отчёте сказано, что дети поправились на 1,68-2 кг.⁵⁵

Обучение и воспитание. "Устав детского сада" ориентировал на развитие ума, речи, характера, патриотизма детей, на эстетическое их воспитание, ознакомление с природой, на воспитание трудолюбия, организованности, коллективизма и любви к родителям, уважения к старшим⁵⁶.

В соответствии с "Руководством для воспитателей детских садов" 1945 года, работу следовало вести в трёх возрастных

⁴⁶ Очерки истории школы и педагогической мысли ..., с. 54.

⁴⁷ Указ. архив и фонд, оп. 3, ед. хр. 1085, л. 62.

⁴⁸ Указ. архив и фонд, оп. 3, ед. хр. 1032, л. 1-11.

⁴⁹ Там же, л. 19-22.

⁵⁰ Указ архив, фонд и опись, ед.хр. 1085, л. 25об.

⁵¹ Там же, ед. хр. 1080, л. 24 - об.

⁵² Там же, ед. хр. 850, л.1-67.

⁵³ Там же, ед. хр. 1011, л. 1-44.

⁵⁴ Указ. архив, фонд и опись, ед. хр. 1085, л. 4-5

⁵⁵ Там же, л. 32.

группах по разделам "Родной язык", "Знакомство с окружающим миром", "Работа с семьей", — по планам и расписанию. В руководящей статье 1948 года также говорилось много верно: надо успокоить нервы детей, надорванные войной (пусть играют в восстановление, в колхозы...); воспитывать патриотизм, любовь к Ленину и Сталину не лекциями, а через художественную литературу; повысить внимание к народному творчеству, оградить от формализма в музыке; вести сенсорное воспитание прямо в природе, и т.д.⁵⁷

Как это осуществлялось? Имею под рукой лишь воспоминания Е.С. Гинзбург, работавшей в детсадах Магадана в 1946-48 гг. с детьми бывших заключенных. Ее коллеги "с материка" восторженно обучали детей песне "Один сокол — Ленин, другой сокол — Сталин". Требовалось также выращивать чувство ненависти к врагам Советской Родины /каковыми считались до отбытия срока родители воспитуемых/. Е.С. работала с детьми так, как требовала их специфика, леча и забитых, и озлобленных, и преждевременно овзрослевших прогулками за город, тeneвым театром ("Кот в сапогах"), стихами Чуковского и Маршака. И не она одна. В плане образцовая воспитательница записывала творческую игру "Военный госпиталь", а дети играли в баню, в магазин, в парк культуры (где медведей в клетках поили посетители разведенным спиртом.) Некоторые могли бы сыграть и в конвой, сажающий этап прямо в грязь или на снег...⁵⁸

Но взрослая, суровая жизнь ждала детей за стенами не только детсада Колымского края, но и повсюду. И сегодня, забывая свои ранние годы, с улыбкой читаешь статью о преодолении детских страхов на примере преодоления страха перед насекомыми...⁵⁹

Одно из самых страшных последствий Войны — детское сиротство, полное или потеря одного из родителей. В последнем случае часть РВ, как и детей более старших, превращались в безотцовщину чаще всего, но бывало, что теряли только мать. В статье о социальной защите сирот после Войны приводится их примерное количество — до 3-х млн., — максимума, зафиксированного к 1947-48 гг., уже не только из-за войны, но и вследствие голода 1946 г. После освобождения от ответственности перед законом отцов внебрачных детей в 1944 г. число последних также росло, достигая 1/2 контингента в Домах ребенка. Мест там не хватало. Десятки тысяч детей осужденных родителей в возрасте до 4-х лет отправляли с матерями в места заключения. Более 40 % сирот передавали на воспитание в семьи. 10 % усыновлялось и удочерялось отцами, признававшими свое отцовство. 1/4 попадала в Детские дома /ДД/⁶⁰.

Существовала "иерархия" ДД — от привилегированных до обыкновенных, описанных А.Приставкиным, — с антисанитарией, воровством и насилиями, издевательствами персонала и старших над младшими. Выпускники ДД шли в систему трудовых резервов, на предприятия. Отличники имели надежду на продолжение образования. Считается, что *в целом система /соц. защиты сирот/ выполнила свои функции*⁶¹. Это так, если считать ее функциями обеспечение выживания большинства сирот.

Периодика тех лет подтверждает, что бывали исключительные ДД, например, им. тов. Калинина, созданный на средства граждан. Каких? А таких, что председателем попечительского совета была т. П.С. Жемчужина, жена В.М. Молотова. Был ДД, где издавались рукописные журналы, сборники пословиц и поговорок, а воспитатель лишь отбраковывал антипедагогические, безыдейные, пошлые и обывательские материалы. Возможно, действительно были ДД, где воспитывали мировоззрение, готовили концерты, показывали кино, занимались краеведением...⁶²

Но Ровесники Войны, старшему из коих было в 1948 г. 7 лет, еще мало годились для краеведения и рукописных журналов. Им нужен был кров, еда, забота, ласка. Осиротев, они попадали в детские приёмники, и оттуда их распределяли, устраивали, в течение нескольких месяцев, стараясь, чтобы из поступивших за полгода были устроены все. Такое стремление заметно в полугодовом отчете ЛенГорОНО (январь — июнь 1947г.) об охране детства:

Устраивать детей в семьи мешает большая производственная занятость /женщин/, низкое патронатное пособие; по одному детдому организуется в районе плюс 4 детдома при производствах; детсады и школы помогают детям, оставшимся без родителей, кормят их /да, так было в нашем классе в начале 1950-х, собирали деньги учителя, родители, чтобы кормить Витю Колоскова, пока его не определили в Военно-музыкантскую школу, а его сестру — в ДД/. В результате в Ленинграде неустроенных и неучтенных детей НЕТ.

*Распределение 16,6 тыс. детей из детприемников к 1 июля 1947 г. /дошкольники, т.е. РВ составляли среди них 1/3/: на патронат -2 тыс., под опеку — 9,4 тыс., под попечительство — 2,9 тыс., усыновлены 2,3 тыс. Случаи отказа от усыновленных встречаются редко (51). Большую работу проводят активисты Общества Красного Креста, районные комиссии по устройству детей и общественные их инспекторы — учителя*⁶³.

Можно ли на основании всего сказанного о ровесниках Войны в 1944 - 1950 гг. делать какие-то выводы в ключе "История поколения"? Крайне осторожно — да.

Часть когорты была лишней дома. Но стране нужны были все! Выжившие в годы Войны ее ровесники, — кто в семьях, кто в воспитательных учреждениях, одолевали, день за днем военные и первые послевоенные времена, приближаясь к школе.

Трудности формирования закаляли одних и калечили других — физически или морально. Домашнее безотцовство рождало неуверенность, а уличное — оттачивало зубы или ломало ребра. Трудности, переживаемые большинством окружающих, убеждали в том, что это — норма. И это убеждение сохранилось, может быть, в сознании у многих, а в подсознании — у большинства (?) РВ до сих пор.

Предположительный смысл подготовки к печати данного текста был в том, чтобы, сократив на 2/3 давно готовый раздел неопубликованной рукописи об РВ, сделать статью как социально-историческую "подоснову", подкладку к биографическим описаниям социологов 3-го поколения, то есть рожденных в середине 1930-х-середине 1940-х гг. Хотелось найти в общеисторических, массовых фактах и процессах подтверждения, переключки с фактами и явлениями из жизни социологов названного поколения. Приходится признать, что эта задача не решена. И не только из-за её большой трудоёмкости.

Вряд ли читателю нужны вставки в мой общеисторический очерк упоминаний о том, что столько-то из социологов-ровесников Войны, давших интервью, тоже были в эвакуации или — в прифронтовой полосе, под немцем и т.д. Идеальной в своём роде стала бы эта статья, если на каждый существенный факт, среднестатистическое наблюдение наложить бы ряд разных (в разных семьях), пусть противоречащих друг другу фактов, рассуждений, впечатлений из текстов интервью социологов. Не ради поиска в их 0 — 7 -летнем возрасте признаков будущих обществоведов. А ради чего? Наверно, всё же ради попытки понять, как трудное детство начинало формировать отношение к обществу, в котором они родились, жили, и которое стали изучать через 20-30 лет.

⁵⁷ См. Очерки истории школы и педагогической мысли..., с. 14. Волкова Е.И. Дошкольное воспитание в РСФСР // ДВ, 1948, № 7, с. 11-16.

⁵⁸ Гинзбург Е.С. Крутой маршрут. Рига, 1989, т. 2, с. 146-152.

⁵⁹ Пермякова Л.С. Работа по преодолению детских страхов // ДВ, 1948, № 7, с. 11-16.

⁶⁰ См. Зезина М.Р. Указ. соч., с. 127-135.

⁶¹ Там же.

⁶² См.: УВР ДД: 1946, № 6-7; 1947, № 8, с. 9; 1948, № 9-10, с. 3-19.

⁶³ Указ. архив, фонд и опись, ед.хр. 993, л. 2-14.